

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Черная бабочка

Майкл, ночи доброй!

Разбуженная бабочка в твоих руках!

Всё чаще улыбаюсь, вспоминая с чего всё началось. Напомню свой робкий шаг и твоё движение навстречу.

— А ты разрешил бы к себе прикоснуться?

— Тебе? Разумеется, и получил бы от этого дикое удовольствие.

Постепенно в куколке распахнулись те чувства, которые, казалось бы, невозможны на расстоянии: слух и обоняние. Всё чаще прикасаясь виртуально к твоему телу, в бабочке усиливались ощущения на кончиках пальцев. Полуночные прогулки по лицу, по плечам, по бёдрам заставляли трепетать мои крылышки. Несмотря на ту темноту, что внутри, и на ту, что снаружи, бабочка летела и летела навстречу тому пламени, который палило её, обжигало и испепеляло каждую ночь, навстречу её гибели, а, быть может, жизни. Такова мудрость природы, и нам ли спорить с ней?!

На твоей ночной гостье сегодня вечернее бархатистое платье изумрудного цвета в пол с воротником-стойкой. Узкое платье — настолько длинное, что из-под него видны только носки туфель-лодочек и тоненькие шпильки. По бокам два изящных разреза до середины бёдер, которые позволяют видеть чулки. Пояс платья удлинён и подпирает под самый лиф. Короткие рукава обнажают тонкие руки с чуть смугловатой кожей. Ногти ухоженных пальчиков покрыты перламутровым лаком бледно-розового цвета в тон помаде.

Выразительность карих глаз подчеркнута чёрным косметическим карандашом и бежевыми тенями. Из украшений — маленькие золотые серёжки со сверкающими зелёными камешками, охватывающий руку от локтя до запястья браслет-змейка, который венчается головой с разинутой пастью, и крохотное колечко на пальчике. Аккуратная шапочка перистых волос оставляет открытыми шею и пару маленьких родинок у основания. Пахнет твоя женщина берёзовой листвой с едва уловимыми цитрусовыми нотками.

Первое, что я делаю, попав к тебе, это глубокий вдох, дабы почувствовать и пропитаться твоим присутствием, твоей неповторимостью и твоей мужественностью. В комнате, освещённой горящим семисвечником, разливается тёплая и медленная музыка, таинственная и загадочная. Скрипка? Да-да, та самая Ванесса Мэй, которую ты присылал мне несколько дней назад. К инструменту присоединяются другие, темп ускоряется. Кажется, произведение знакомо, и, в то же мгновение, в игру влетают какие-то новые ноты, неузнаваемо меняющие узор мелодии. Ты протягиваешь мне руки, и я охотно вкладываю в них свои. При этом пальцы наши переплетаются. Кожей чувствую тепло узких ладоней с длинными музыкальными пальцами. Твои запястья широкие, не в пример моим. Они манят прикоснуться к себе губами, особенно к их внутренней стороне, где волнующе бьётся пульс. Левая рука перехвачена широким коричневым ремешком с часами с большим циферблатом в оригинальном золотисто-прозрачном корпусе. Не удерживаюсь и склоняюсь поцеловать эту сердечно стучащую жилку. Кажется вполне естественным скользящее движение язычка по венке вглубь к кожаному «перехватчику» и чуть выше, под манжет с сапфировой запонкой. В тоже время я чувствую прикосновение твоих мягких губ к основанию шеи, к тем крохотным капелькам, которые дарованы мне самим рождением. Щекочущий язычок пытается

проникнуть за наглухо застёгнутый воротник платья. Ласково и бережно целуешь небольшую пуговичку, которая единственно лишь удерживает вес моего одеяния.

Распрямившись, заглядываю в твои бездонные карие озёра, опушённые ивами ресниц с изогнутыми ветвями. Молниеносно взглядом вбираю знакомые черты лица, уже такие дорогие и милые. Встав на цыпочки, легко касаюсь губ, левой мочки уха и провожу витиеватую дорожку чуть-чуть за ним. Затем вновь возвращаюсь к губам и дразняще прокладываю путь острым кончиком в начале по нижней, а потом по верхней створке, останавливаясь в улыбающемся уголке. Трепещущая в твоих объятиях колибри касается цветка губ, и начинает пить из него нектар. Какая глупость думать, что этот напиток доступен лишь богам. Сейчас, к примеру, сочность и сладость дозволены блудной грешнице. С жадностью впиваюсь в тебя и своим длинным язычком, как бы обхватывая, вытягиваю наружу свою находку. Весьма скромно и деликатно начинаю её обцеловывать с разных сторон.

Точку в «приветственном поцелуе» ставлю на кончике язычка, прежде укусив его и пососав. Если Дженни не ошибается, то впереди птичку ожидает ещё один источник с «живой водой». Но чуть позже, чуть позже! Сейчас же её носик соблазняет аромат другого, не менее вкусного эликсира, дымящегося жаром в тонкой прозрачной чашечке майсенского фарфора ручной работы, с изображённым на ней зелёным драконом. По соседству с ней стоит её напарница в блюде, точно такая же, но уже с красным китайским ящером. Белая пенка сливок снежно высится над чёрно-коричневой жидкостью, лишённой каких бы то ни было отвлекающих примесей. Поймали зов из темноты.

Взрыв страсти — он пробьёт эфир,
Любви порыв наполнит мир!

Так оглянись
И насладись
Сейчас.

Ночная бабочка и я,
Мы слышим непонятный звук.

Ночная бабочка и я —

Нам очень странен этот звук:

«Встряхнись, воспрянь, проходит жизнь,

О дне насущном думай и живи,

Бери, что есть — ведь краток век!

Не жди!...»

Мгновение, и вот уже одна композиция плавно перетекает в другую. Black Butterfly. «Чёрная бабочка» в исполнении квартета Ивана Смирнова. Музыка, в которой морской рокочущий звук сменяется волнующей игрой гитары. Талантливый музыкант перебирает струны сердца, то трогательно касаясь одну за другой, то в одночасье ударяя по ним яростно и твёрдо.

Словно бы растворяясь в кольце рук, чувствую твоё тело, вдыхаю твой запах! Руки! Они опутывают, околдовывают, заставляя бабочку внутри слепо биться крылышками о стекло в тщетных поисках свободы. Ты медленно, очень медленно приближаешь своё лицо к моему. Приоткрываю глаза, и дыхание перехватывает от удивительного зрелища расплавленного мёда напротив и чуть выше. Полуоткрыв рот, будто бы желая вдохнуть, получаю печать на уста. Поцелуй — в начале воздушный и едва касающийся губ. Кончиком языка ты повторяешь

тот путь, которым двигалась я сама несколько минут назад. Сперва ласково проводишь влажным краешком по немного капризной нижней розовой половинке. Бриз мурашек овеивает иссохшее побережье вдоль позвоночника к затылку, зарождаясь в бездонных глубинах ануса. Потом чувствую твой странствующий язычок своей верхней. Дыхание становится всё сбивчивей, а перестук сердца — быстрее и громче! Шаман внутри него бьёт в бубен, носится, кружит в ритуальном танце, вызывая дождь.

Руки свои поднимаю и начинаю лихорадочно перебирать длинными пальцами волосы у тебя на голове, взлохмачивая и теребя. Ткань платья натягивается, и уже в следующее мгновение твои чуткие ладони и сильные пальцы мнут, поглаживают часто вздымающуюся грудь. Возбуждённые соски стремятся слиться с чуткой кожей, с каждой её клеточкой. Мешает, правда, тяжёлая портьера бархата, но это лишь пока. Ты притягиваешь меня близко-близко, плотно-плотно, словно желая сделать частью себя, поглотить, вобрать, узурпировать. Двумя ладонями ощущаю нежность щёк и выдающуюся наружу округлость скул. Сведя указательные пальчики в очаровательной ямке на подбородке, намереваюсь взобраться к уставшим за день глазам, к векам. Но вдруг... Твой рот перехватывает паломников на полпути. Сердце моментально замирает, чтобы уже в следующую секунду заколотиться с бешеной скоростью, и тотчас же оно обрушивается с Олимпа к самому подножью. Изумление на моём лице, кажется, весьма тебя веселит, в уголках глаз появляется сеточка морщинок, а в них самих джигу пляшут озорные бесенята. Сосущие и облизывающие движения тут же приносят результат. Шаман внутри меня весьма доволен, поскольку, наконец-то, на землю хлынули первые капли дождя, такого освежающего и всеми ожидаемого. Нежно провожу ноготками по верхушкам ресниц и улыбаюсь, видя твой слегка наморщенный в щекотке нос и появившуюся складку между бровей.

Резко метнув руки к поясу чёрных брюк, с едва сдерживаемой страстью провожу по нему своими ладонями. И вот я уже тесно притягиваю тебя к себе за ягодицы. Чёрт! Как же иногда многое мешает! Всем своим телом чувствую то, как ты стремишься ко мне, как сильно твой член хочет...

... хочет стать частью меня, как он рвётся в бой! И мы с бабочкой совсем не против быть пойманными и пришитыми этой шпагой! Крылышки даже почтут за честь стать частью той коллекции, которая, даже спустя долгое время, будет напоминать о ночи, нашей ночи, такой таинственной и невозможной!

До еле удерживаемой дрожи, хочется почувствовать твою мужественность в своей ладони! С трудом протиснув правую руку между телами, в нетерпении нащупываю язычок молнии спереди и тяну его книзу. Пальчики с проворством проникают в открывшуюся амбразуру и за резинку стрингов, и...

И всей ладошкой ощущаю тебя, чувствуя обжигающую горячность, волнующую пульсацию, трепет, силу и рост! Коготками легко царапаю член от основания до вздыбленного кончика туда-сюда, вверх-вниз, чертя дуги с одного бока к другому, настолько, насколько позволяет тугая резинка. Чередую ласковую прогулку двумя пальчиками по низу ствола от яичек до края головки, и сжимающий захват в кулак. При всём при том, прохладный ободок колечка на моём среднем пальце привносит дополнительный импульс твоим ощущениям.

Одновременно с действиями внизу, цепко удерживаю выражение твоих глаз. Меня возбуждают эти расширяющиеся зрачки, чёрные, словно антрацит. В следующий момент ты блаженно прикрываешь веки с полукружьем тёмных ресниц и уплываешь, уплываешь прочь

отсюда, но...

В этот момент ты крепко прижимаешь меня к себе, да так, что бабочка начинает беспорядочно трепыхаться из стороны в сторону: она не была готова ни к атаке, ни к этому выпаду. Твой властный рот захватывает в плен мои губы, а язык по-хозяйски начинает шарить по уголкам пещеры, то и дело натываясь на стены, упираясь в свод. Внизу тела полное ощущение чего-то разворачивающегося и готового спружинить и отскочить в широком шпагате ещё ниже.

Хаотично и беспорядочно выдёргиваю рубашку из брюк. В мгновение ока хлопковая лазурь оказывается сброшенной с плеч на пол. Ты объят пламенем страсти не меньше моего! Бабочка пылает в нетерпении, чувствуя твои руки у себя на спине и урча от предвкушения того, что обнаружишь ты под расстегиваемым платьем. Сеть!

— Сеть?

— Сеть! — Ты спускаешь по телу бархат, и он с безнадёжностью ложится зелёным травянистым ковром подле небесного островка рубашки. Золотые нити опутывают меня от груди до бёдер. Сквозь крупные ячейки заинтересованно выглядывают два холмика с аппетитными ягодками на вершине, чуть ниже — соблазнительного вида пупочек, ну а ещё ниже... та самая пещера Али-Бабы с бесценным сокровищем, воплощение иссушающего и опояющего.

Темноволосая голова склоняется ко вспухшим от невыносимого желания вишенкам, и моё тело выгибается навстречу этим жадным губам, желающим полакомиться их сладостью. В начале влажный язычок касается левой груди, нежно и ласково обводя сосок — то едва-едва, то прикусывая зубами и губами, а то вбирая внутрь рта захлёбывающимся движением. Второй сосок в это время перекачивается между указательным и большим пальцем левой руки. Ощущения настолько остры и сладостны... Кажется, что удары сердца всё приближают и приближают очередную разрядку. Твои язык и пальцы меняются местами, и вот уже правая волшебствует на левой вершине, а губы и трепетный язычок ублажают соседний холмик. Пробежав волнами мурашек по позвоночнику, моё наслаждение выплёскивается наружу, оросив верхние края чулок. Соединив две груди вместе, ты наконец-то замечаешь ту ниточку, потяни за которую — и золотая паутина вокруг твоей бабочки осыпется и выпустит её на свободу. Ухватив зубами кончик, тянешь его на себя. И вот уже золотой сетчатый кокон скользит по обнажённому телу и опадает на лазорево-зелёное поле.

Скользнув за твою спину, я прикипаю губами к шее с левой стороны, откуда и начинаю плавный спуск к пояснице — а потом и ниже, гораздо ниже, на встречу с теми соблазнительными дольками, что пока скрываются от взгляда и провоцируют воображение бабочки. Прижавшись к тебе грудью и голой писечкой, немного привстав на носочки, опоясываясь провожу ладонями к возвышенности на брюках и принимаюсь расстёгивать пряжку. Засунув большие пальчики обеих рук внутрь за ремень, а заодно и за резинку стрингов, спускаю остатки одежды, так долго препятствовавшие тесному прикосновению. Встав на колени, снимаю обувь и сдёргиваю с бёдер брюки и голубого цвета трусы. Находясь позади, уверенным нажатием руки прошу тебя встать на четвереньки и позволить отведать ту сладость, что заключается меж двух аппетитных половинок. Цепочка воздушных поцелуев и алчных полизываний начинается от центра поясницы и идёт по ложбинке вниз, к розетке ануса. Выметающим движением мой язычок совершает витки то в одном направлении по кругу, то в другом, прежде чем проникнуть вовнутрь кончиком на полную длину. Какая

жалость, что я не могу видеть в этот момент выражения твоего лица, чтобы понять то, насколько тебе приятно такое проникновение в свои глубины! Вволю поупражнявшись с входом и выходом, почмокав и поцокав всласть, продолжаю спуск всё ниже и ниже. Обогнув тебя по промежности, переворачиваюсь на спину. Впереди меня ждёт не менее увлекательное восхождение!

Расщепив твои бёдра, я старательно вылизываю яички, нежно покусывая их чувствительную кожу, а затем устремляю всё своё внимание к возвышающемуся надо мной члену. Губами ловлю конец и потихоньку начинаю втягивать его вовнутрь рта. Словно акула, поглощаю полностью и начинаю поигрывать с этим бутоном, расцветая буквально на глазах, как в прямом, так и в переносном смысле. Думаю, что и на этот раз колибри будет удовлетворена обедом! Вместе с моим язычком, плоть начинает древнюю, как мир, пляску! Кружась и танцуя вокруг шеста, выгоняя наружу и вновь загоняя внутрь. Ласково обвожу по спирали и чувствительно прикусываю зубками... Приподнимаясь на локтях на мгновение, стучась лицом по всё твердеющей мужественности. Закрываю член в кольцо своих сведённых пальчиков, и, словно какой-нибудь эстрадный певец микрофон, подношу снова ко рту, но не для того, чтобы издать звук, а для того, чтобы поглотить до самого основания. От испытываемого наслаждения, прикрываю глаза и выставляю твоё имя. А правую руку веду к собственному источнику блаженства.

Тоненькими пальчиками массирую клитор, то нажимая с усилием, то отпуская и поглаживая движениями вверх-вниз, вправо-влево. Ты тоже не остаёшься безучастным, то и дело вколачивая себя в меня, проникая всё глубже и глубже, пока гортанью не чувствую контакта с боеголовкой. Словно бы поперхнувшись этим величием, во всё ускоряющемся темпе двигаю член вперёд-назад, тихонечко смыкая губы на выходе. Раз, два, три... Красная лампочка в недрах горошины киски, истекающей всеми мыслимыми и немыслимыми соками, мигает с оглушающей частотой. В моих ушах целая какофония звуков: от беспорядочного звона металлических тарелок до яростного боя Африканского тамтама. Губами ощущаю приближение лавы к поверхности, её подъём по стволу кратера наверх. А трение пальчиков внутри меня становится тем временем всё активнее. Сила обоюдного землетрясения приближается к максимуму, к своей критической точке! Судорожным глотательным рефлексом, сжимаю головку твоего члена, и уже в следующую долю секунды огненная струя фонтана выстреливает в горло, обжигая и опалая. Будто бы ожидая этого сигнала, благодатный огонь сходит и на меня, опустошая и стекая растопленным елеем по бёдрам, обтянутыми тонким нейлоном, по худеньким пальчикам.

Вытянув из-под себя, согнув мои ноги в коленях и широко распахнув бёдра в стороны, ты резкоходишь внутрь одним уверенным движением — на полную длину. Замеряешь на краткое мгновение, словно прислушиваясь к ощущениям, и вот уже начинаешь наращивать скорость и силу ударов. При этом твои яички приятно хлопают по моей промежности и дарят дополнительные ощущения донельзя сладостной гонке. Будущая буря зарождается где-то в затылке, и её приближение становится всё реальнее и реальнее. Во мне всё хлопает и чавкает. Твой член, всё ещё в собственном семени от предыдущего извержения, обильно омываем моими соками. Чередуя полное погружение с выходом наружу, он с каждым толчком входит всё глубже и глубже, дальше и дальше, заставляя извиваться и биться под тобой. Мне мало, как же мне тебя мало! Я хочу и хочу страстно, до невозможности, до потери сознания! Каким-то непонятным образом появляется желание сжать тебя ногами, но инстинктивное

побуждение отступает пред волей повелительницы. Я-то в курсе, что тебя возбуждает открытость и распахнутость, а Джейн хочется, очень хочется сделать Майклу приятное! Накатывающие волны будят какие-то нечеловеческие рыдания: никогда не предполагала, что могу голосить ультра-звуком!

Нет, оказывается, ещё как могу! Визг, рычание, какой-то грудной хрип... Это я и в то же время не я! А гроза, меж тем, всё очевиднее, где-то уже разливается запах озона — аромат страсти! Меня трясёт, а на лице выступают бисеринки пота. От этих немислимых, непередаваемых в своей остроте ощущений то и дело стучаюсь головой о пол! Ещё секунда, и жгут во мне стягивается с невероятной силой, и ничего уже не соображая, захопываю ловушку ног у тебя за спиной. В порыве страсти молочу кулачками по всему, чему можно, по-переменке то сжимая пальчики, то разжимая, цепляясь за ворс ковра. Движения навстречу друг другу становятся всё яростнее, а удары сердца всё оглушительнее! Во рту пересыхает, а в глазах начинают то и дело вспыхивать звёздочки! Голову кружит нехватка кислорода, в горле нечто булькает и клокочет! И вот... Миг, и во мне всё взрывается! Сцепив зубки на твоём правом плече, чувствую солоноватый привкус крови у себя во рту. Встречные движения не останавливаются, и наконец через мгновение твой крик сливается с моим восторженным и ликующим!